

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
Л.Н. ГУМИЛЕВ АТЫНДАҒЫ ЕУРАЗИЯ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

Студенттер мен жас ғалымдардың
«ҒЫЛЫМ ЖӘНЕ БІЛІМ - 2014» атты
IX халықаралық ғылыми конференциясы

IX Международная научная конференция
студентов и молодых ученых
«НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ - 2014»

The IX International Scientific Conference for
students and young scholars
«SCIENCE AND EDUCATION-2014»

2014 жыл 11 сәуір
11 апреля 2014 года
April 11, 2014

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
Л.Н. ГУМИЛЕВ АТЫНДАҒЫ ЕУРАЗИЯ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ**

**Студенттер мен жас ғалымдардың
«Ғылым және білім - 2014»
атты IX Халықаралық ғылыми конференциясының
БАЯНДАМАЛАР ЖИНАҒЫ**

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
IX Международной научной конференции
студентов и молодых ученых
«Наука и образование - 2014»**

**PROCEEDINGS
of the IX International Scientific Conference
for students and young scholars
«Science and education - 2014»**

2014 жыл 11 сәуір

Астана

УДК 001(063)
ББК 72
Ғ 96

Ғ 96

«Ғылым және білім – 2014» атты студенттер мен жас ғалымдардың IX Халықаралық ғылыми конференциясы = IX Международная научная конференция студентов и молодых ученых «Наука и образование - 2014» = The IX International Scientific Conference for students and young scholars «Science and education - 2014». – Астана: <http://www.eni.kz/ru/nauka/nauka-i-obrazovanie/>, 2014. – 5831 стр. (қазақша, орысша, ағылшынша).

ISBN 978-9965-31-610-4

Жинаққа студенттердің, магистранттардың, докторанттардың және жас ғалымдардың жаратылыстану-техникалық және гуманитарлық ғылымдардың өзекті мәселелері бойынша баяндамалары енгізілген.

The proceedings are the papers of students, undergraduates, doctoral students and young researchers on topical issues of natural and technical sciences and humanities.

В сборник вошли доклады студентов, магистрантов, докторантов и молодых ученых по актуальным вопросам естественно-технических и гуманитарных наук.

УДК 001(063)
ББК 72

ISBN 978-9965-31-610-4

©Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, 2014

5. Лесков и русская литература. Сборник статей/ Отв.ред. Лозунгов К.Н. - СПб., 1988.
6. Лесков Н.С. Повести. - М., 2008.
7. Семенов В.С. Николай Лесков. Время и книги. - М., Современник, 1981.
8. Шекспир в мировой литературе. Сборник статей/ Общ. ред. Реизова Б. - М., 1964.
9. Шекспир. У. Трагедии. Перевод Б.Пастернака. -Л.,1982.

УДК 821.161.1-1.09

АНТРОПОСОФСКОЕ КАК МЕХАНИЗМ ПОЭТИКИ А.П.ЧЕХОВА

Новосёлова Я.В.

premium.1992@mail.ru

Студент ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Научный руководитель – К.Уразаева

Современное чеховедение, исследуя экзистенциальную проблематику, развивает тезис о том, что в произведениях писателя невозможно найти прямо выраженное представление об экзистенциальной норме. По замечанию исследователей, Чехов проявляет настойчивый интерес к проявлениям жизни, которые существуют вне «модуса нормальности» что, тем самым, делает «каталог» позитивных экзистенциальных примеров «скудным и невыразительным» [1, 122].

«Чувствительная» к экзистенциальному прочтению чеховского текста болгарская славистика утверждает, что Чехов выводит на авансцену русской литературы вопросы антропософского характера: об обманчивости различия между нормальностью и сумасшествием, о разумном и безумном, «своем» и «чужом», о ненадежности критериев, которые управляют нашими представлениями о «смысле и бессмыслии» [1, 123].

Целью нашего исследования является выявление модуса «скуки» как антропософского механизма поэтики А.П. Чехова в пьесе «Дядя Ваня».

Экзистенциальные концепты драматургии Чехова, в частности, в пьесе «Дядя Ваня» представлены «общим чувством жизни» [3, 407]. «Общее чувство жизни», в свою очередь, включает в себя абсурдность мира, отчуждение личности от общества, ценность человеческой индивидуальности, усиленное ощущение конечности и однократности каждого отдельного существования. В пьесе «Дядя Ваня» «общее чувство жизни» выражается и интерпретируется в системе повторяющихся мотивов, доминирующим из которых является «скука».

Скука, вызываемая рутиной бытовой повседневности, отчуждением людей друг от друга, приводит героев к пониманию метафизической и социальной абсурдности жизни.

Серая, холодная, тягостная атмосфера будней, царящих в усадьбе Серебрякова, создаёт тон повседневной обычности, которая сообщает нам о непрерывной, длительной хроничности. «Да и сама по себе жизнь скучна, глупа, грязна... Затягивает эта жизнь... Ничего я не хочу, ничего мне не нужно, никого я не люблю...» [4, 361]. Фраза, вложенная в уста Астрова в начале пьесы, позволяет заметить, что драматизм жизни героев пьесы состоит не в одном печальном событии, а в ежедневном, томительном, неполном состоянии. Изю дня в день жизнь проходит бесплодно и безрадостно. Тоска по прежней жизни, скрытая лишь моментами, вырывается и приобретает особый тон и сдержанные формы выражения в устах Войницкого: «С тех пор, как здесь живет профессор со своею супругой, жизнь выбилась из колеи... Сплю не вовремя, за завтраком и обедом ем разные кабулы, пью вина... не здорово все это! Прежде минуты свободной не было, я и Соня работали — мое почтение, а теперь работает одна Соня, а я сплю, ем, пью...» [4, 361].

«Сонное» начало пьесы представляет собой физическое состояние, которое приносит не отдых, а нездоровье. «Сонный» мотив дан в иной семантике – знак нарушенного порядка: герои спят днём, а ночью ставят самовар. Нарушенный порядок жизни приобретает бытийные черты. Герои пьесы уже предощущают разрушающийся миропорядок. Даже старая нянька Марина находится в круговороте длительной повседневности. Без какой – либо связи с происходящим она ходит около дома и кличет кур: «Цып, цып, цып...» [4,365]. Исходя из этого, мы можем предположить, что среда, в которой находится Марина, тонирует множеством настроений, противоречащих друг другу, но составляющих общий тонус жизни и быта. Эта фраза является важной не для характеристики Марины, а для ощущения томительных будней, которые тяготят всех персонажей пьесы.

Мотив скуки и тоски, проходящий через многие произведения писателя, в данной пьесе получает особое выражение. Полотно драмы полностью заполняется буднями, события отводятся на периферию, а ежедневно-повторяющееся составляет основной каркас пьесы.

Скука здесь являет собой атрибут трагедии «неподлинного существования» человека, и, приобретая экзистенциальный характер, наполняется значениями ослабления жизни, ее перехода в смерть: «... Я старик, почти труп.... Конечно, глупо, что я до сих пор жив...» [4, 368]. Безусловно, в таком контексте событий, отношения Войницкого к Серебрякову и Елене Андреевне остаются лишь частным эпизодом, не давая сюжетногокрепления всей пьесе. В общем потоке событий они являются только следствиями давно сложившегося уклада жизни.

Состояние жизненной обманутости, обращённой в томительную скуку, испытывает не только Войницкий: «...Все старо. Я тот же, что и был, пожалуй, стал хуже, так как обленился, ничего не делаю и только ворчу, как старый хрен...» [4, 362]. Елена Андреевна также скучает, страдает, но, тем не менее, проводит жизнь в праздности. В неё влюблены и доктор Астров и Войницкий, но она сама уже не способна увлечься ничем: «Ах, и лень, и скучно!...», «Я умираю от скуки, не знаю, что мне делать» [4, 378].

Доктор Астров любит природу и занимается сохранением и посадкой деревьев: «...Когда я слышу, как шумит мой молодой лес, посаженный моими руками, я сознаю, что климат немножко и в моей власти, и что если через тысячу лет человек будет счастлив, то в этом немножко буду виноват и я...» [4, 366]. Однако он сам не подтверждает её счастливого влияния на свою жизнь и наравне со всеми подвержен давно образовавшейся, тягучей неудовлетворенности: «...Вообще жизнь люблю, но нашу жизнь, уездную, русскую, обывательскую, терпеть не могу и презираю ее всеми силами моей души...» [4,374], «...Постарел, заработался, испошпился, притупились все чувства, и, кажется, я уже не мог бы привязаться к человеку. Я никого не люблю и... уже не люблю...» [4,375].

Каждое лицо у автора пьесы имеет свою неудовлетворенность, свой круг внутренней сосредоточенности. Именно поэтому жизнь каждого вращается в двойном процессе. Герои, общаясь с другими, тем не менее, считают их чуждыми себе. И, вследствие этого, каждый живёт, условно говоря, только наполовину и участвует в общей жизни лишь верхней частью души. Всем героям жить скучно, тоскливо, душно. Однако каждый в ней участвует и не нарушает общий ход событий. Даже чувство Войницкого к Елене Андреевне, которое, на наш взгляд, не составляет «грунт» пьесы, является фактом осознания безысходности своей судьбы: «Днем и ночью, точно домовой, душит меня мысль, что жизнь моя потеряна безвозвратно. Прошлого нет, оно глупо израсходовано на пустяки, а настоящее ужасно по своей нелепости. Вот вам моя жизнь и моя любовь: куда мне их девать, что мне с ними делать? Чувство мое гибнет даром, как луч солнца, попавший в яму, и сам я гибну» [4, 371].

Выстрел в Серебрякова является для Войницкого лишь косвенным выражением досады за ошибки, которые он сам допустил в своей жизни и которые сам осознал. Безрадостная жизнь Войницкого быстро восстанавливается после неудачного выстрела и продолжает функционировать по тем же законам «будничности» и «скучной действительности». Это же состояние мы можем отнести и к Соне. Сам автор делает такой вывод: «Весь смысл и вся драма человека внутри, — Драма была в жизни Сони до этого

момента, драма будет после этого, а это — просто случай, продолжение выстрела. А выстрел ведь не драма, а случай», по мнению А.П. Скафтымова [3, 164].

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы. С первого действия Чехов показывает нам бытовую жизнь с тоном скуки, обыкновенности и повседневности во всем. В ходе жизни, в отношениях, в осознании действительности у каждого героя своя драма, не останавливающая и не влияющая на «общий поток жизни». Модус скуки, объединенный автором с мотивом тоски и смерти, тесно связан с общей семантикой экзистенциального неблагополучия человеческого существования. В чеховской интерпретации, понятие «скука» является доминирующим условием и связующим звеном «общего чувства и тона жизни».

Скука в драме «Дядя Ваня» позволяет увидеть героям абсурдность жизни и осознание абсурдности, как следствие, помещает героев пьесы в особую орбиту парадоксов, где радость от любви и удовлетворение от работы, надежда на трансцендентную реальность, являются источником этой самой тягостной, хронической, непрерывной скуки.

Список использованных источников

1. Корсемова, Р. Чехов «Черный монах» и относительность границы между нормальностью и сумасшествием / Румяна Корсемова // Диалоги с Чехов: 100 години по-късно. София: Факел, 2004. С.122-126.
2. Нейчев, В. Чехов: Драматургия апофатического бытия / Николай Нейчев // Диалоги с Чехов: 100 години по-късно. София: Факел, 2004. С.229-236.
3. Скафтымов А.П. Нравственные искания русских писателей. М., 1972. С. 404-443
4. Чехов А. Дядя Ваня // Полное собрание пьес в одном томе. М.: Альфа-Книга, 2010. С. 360-396
5. Спивак, Р. Чехов и идея смирения в русской литературе XIX века / Рита Спивак // Диалоги с Чехов: 100 години по-късно. — София : Факел, 2004. — С.99-109.

ӘОЖ 821.512.122

ЖАНЫН ҰЛТЫ ҮШІН ҚҰРБАН ЕТКЕН АРЫСТАН!

Оспанбекова Асель Қанатбекқызы

aselia007.89@mail.ru

Л.Н.Гумилев атындағы ЕҰУ Филология, Қазақ тілі мен әдебиеті факультетінің 1-курс магистранты, Астана, Қазақстан
Ғылыми жетекшісі - А.Үсен

1937-38 жылдар - қазақ халқын ұлт зиялыларынан айырған ауыр жылдар. Қазақ тарихының зұлматты кезеңі аталған репрессия салдарынан 25 мыңнан аса қазақстандық қазаға ұшыраған. 103 мың адам саяси айып тағылып сотталды. Оның төрттен бірі атылды. Қызыл қырғында қазақтың қаймағы «халық жауы» атанып, түрмеге тығылды. Солардың ішінде жарық дүниеге адам болып келгенімен, азамат болып өмір сүру билігі өзіне тимей, ғұмыр бойы бұғауда, қуғын-сүргінде жүріп, ақыры мүрдесі қайда қалғаны белгісіз үшті-күйлі, зым-зыя жоғалып кетіп, есімі жарты ғасыр сарғая сағынған халқына туған елі тәуелсіздік алар қарсаңында ғана әрең қайтып оралған Мағжан Жұмабаевтың есімін жүрек тебіренбей айту мүмкін емес шығар. Кеңес өкіметінің жетпіс жылдық билігі тұсында қазақ әдебиетінің тарихынан ақынның есімі жазықсыз сызылып тасталынды. Оның маржан жырлары да бұл кезеңде идеологиялық қудалауға ұшырады. Азат өмірді, халқының тәуелсіз ел болған қалпын көруге ұмтылған, сол жолда білегіндегі күшімен де, жүрегіндегі жырымен де күресіп өткен қайраткер ақынның тағдыры аса күрделі белестерді бастан кешірді. Жүсіпбек Аймауытов "Мағжанның ақындығы хақында" атты еңбегінде айтқандай: Мағжан - Абайдан соңғы әдебиетке жаңа түр кіргізіп, соңына шәкірт ерткен, мектеп ашқан күшті ақын, ол - түрікшіл, санашыл, дарашыл, уайымшыл, өзімшіл ақын... Мағжан нәзік сезімнің, тәтті